

Содержание

Андре Мартине

О книге "Основы лингвистической теории" Луи Ельмслева. *Перевод с французского В.П.Мурат*

Луи Ельмслев

Пролегомены к теории языка. Перевод с английского Ю.К.Лекомцева

Статьи

Метод структурного анализа в лингвистике. *Перевод с английского В.А.Звегинцева*

Понятие управления. *Перевод с английского В.А.Звегинцева*

Язык и речь. *Перевод с английского В.А.Звегинцева*

Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? *Перевод с английского И.А.Мельчука*

В.П.Мурат

Глоссематическая теория

Библиография основных работ Л.Ельмслева

Из книги "Пролегомены к теории языка"

1. Изучение языка и теория языка

Язык -- человеческая речь -- неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык - инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык -- первичная и самая необходимая основа человеческого общества. Но он также конечная, необходимая опора человеческой личности, прибежище человека в часы одиночества, когда разум вступает в борьбу с жизнью и конфликт разряжается монологом поэта и мыслителя. До первого пробуждения нашего сознания язык был нашим эхом, готовым отразить первый нежный лепет нашей мысли и неразлучно сопровождать нас повсюду, от простой повседневной деятельности до наиболее тонких и интимных мгновений -- тех мгновений, из которых мы черпаем тепло и силу в каждой повседневной жизни благодаря власти памяти, которую дает нам тот же язык. Но язык -- не внешнее, сопровождающее человека явление. Он глубоко связан с человеческим разумом. Это -- богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание, которое напоминает и предостерегает. И речь представляет собой характерную черту личности в хорошем и плохом ее проявлении, отличительный признак семьи и нации, свидетельство человеческого благородства. Язык настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы иногда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением -- тем семенем, из которого они выросли!

В силу этих причин язык всегда привлекал внимание человека, ему удивлялись и его описывали в поэзии и в науке. Наука стала рассматривать язык как последовательность звуков и выразительных жестов, доступных точному физическому и физиологическому описанию и выступающих как знаки для явлений сознания. Наука путем психологических и логических интерпретаций искала в языке изменчивость человеческой психики и постоянство мысли; первую -- в развитии и прихотливых изменениях языка, последнее -- в его знаках, два рода которых были установлены: слово и предложение, являющиеся очевидными символами для понятия и суждения. Язык, рассматриваемый как знаковая система и как устойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как надындивидуальное социальное учреждение, язык служит для характеристики нации. Рассматриваемый как колеблющееся и изменяющееся явление, он может открыть дорогу как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений. На язык ныне смотрят как на ключевую позицию, которая открывает перспективы во многих направлениях.

Таким образом, язык, даже если он является объектом научного изучения, оказывается не целью, а средством: средством познания, основной объект которого лежит вне самого языка, хотя, возможно, этот объект полностью достижим только через язык; причем само исследование строится на основе иных предпосылок, чем те, которые требуются языком. Язык становится средством трансцендентного познания (в собственном и этимологическом смысле слова *трансцендентный*), а не целью имманентного знания. Так, физическое и физиологическое описание звуков речи легко вырождается в чистую физику или чистую физиологию, а психологическое и логическое описание знаков (слов и предложений) -- в чистую психологию, логику и онтологию, в результате чего исходный лингвистический пункт выпадает из поля зрения. Указанное подтверждается историческим опытом. Но даже там, где это непосредственно не имеет места, все же физические, физиологические, психологические и логические явления, взятые сами по себе, еще не составляют языка; они представляют собой только бессвязные, внешние грани его, выбранные как объекты изучения не ради самого языка, но ради явлений, на которые язык направлен. Это справедливо и в том случае, когда язык рассматривается на основе данных описаний как ключ к пониманию социальных условий и к реконструкции доисторических отношений народов и наций.

Все сказанное здесь говорилось не для того, чтобы уменьшить ценность приведенных точек зрения или всей проделанной работы, но для того, чтобы указать на реальную опасность: в ревностном стремлении к цели нашего знания мы можем забыть о средстве познания -- о самом языке. Эта опасность реальна потому, что невнимание к языку вызывается самой природой языка, который прежде всего является средством познания, а не его целью. Только искусственно можно направить ищущий луч света на само средство познания. Это относится в равной мере как к житейской практике, где на языке, как правило, не концентрируется внимание, так и к научному исследованию. Давно стало ясно, что наряду с филологией, где изучение языка и его памятников есть средство познания литературных явлений и исторических событий, должна существовать лингвистика -- наука о языке и его текстах как таковых. Но от замысла до исполнения путь долог. Язык и на этот раз разочаровал сторонников научного подхода. То, что составляло главное содержание традиционной лингвистики -- история языка и генетическое сравнение языков, -- имело своей целью не столько познание природы языка, сколько познание исторических и доисторических социальных условий и контактов между народами, т.е. знание, добытое с помощью языка как средства. Но все это также филология. Правда, часто кажется, что, оставаясь в пределах внутренних технических приемов сравнительной лингвистики этого рода, мы изучаем сам язык, но это только иллюзия. В действительности мы изучаем *disiecta membra*, т.е. разрозненные части языка, которые не позволяют нам охватить язык как целое. Мы изучаем физические и физиологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык.

Чтобы создать истинную лингвистику, которая не есть лишь вспомогательная наука, нужно сделать что-то еще. Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*. Только таким образом язык как таковой может рассматриваться научно, не разочаровывая своих исследователей и не ускользая из их поля зрения.

В конечном счете значение подобной попытки может быть определено посредством того влияния, которое такая лингвистика способна оказывать на различные трансцендентные точки зрения -- на филологию и на то, что до сих пор считалось лингвистикой. В частности, с помощью подобного рода лингвистической теории можно создать единую основу для сравнения языков. Последняя даст возможность устранить тот провинциализм в образовании понятий, который является уделом филологов; таким путем будет фактически построена действительная и рациональная генетическая лингвистика. В результате значение подобной лингвистики независимо от того, будет ли структура языка приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее, может быть также оценено величиной ее вклада в общую эпистемологию.

Итак, необходимо построить теорию языка, способную открыть и сформулировать предпосылки лингвистики подобного рода, установить ее методы и обозначить ее пути. Настоящая работа представляет собой введение в такую теорию.

Изучение языка с разнообразными, в сущности трансцендентными, целями имело многих приверженцев; теория языка с ее чисто имманентными целями - немногих. В этой связи теорию языка не следует смешивать с философией языка. Как и в истории других дисциплин, в истории языкознания засвидетельствованы попытки дать философское обоснование действительной практике исследования, а в связи с интересом к основам лингвистики, выросшим за последние годы, некоторым трансцендентным видам лингвистики были предпосланы предполагаемые системы аксиом. В то же самое время рассуждения в области лингвистической философии очень редко имели сколько-нибудь точную форму или осуществлялись систематически с широким охватом материала, и весьма редко проводились исследователями с достаточной подготовкой как в области лингвистики, так и эпистемологии. Большинство подобных рассуждений можно отнести к категории субъективных, и поэтому ни одно из них не получило сколько-нибудь значительного признания, за исключением, может быть, временного, когда они становились довольно поверхностными модными течениями. По этой причине история теории языка не может быть написана и ее эволюция не может быть прослежена -- она слишком непоследовательна. Поэтому многие рассматривают попытки создания теории языка как пустое философствование и дилетантство, для которого характерен априоризм. Такой приговор представляется справедливым, поскольку дилетантское и априорное философствование действительно преобладали в этой области и так утвердились в ней, что со стороны становилось трудно отличить истинное от ложного.

Настоящая работа, возможно, докажет, что подобные характеристики не являются внутренне необходимыми для любой попытки построения лингвистической теории. Мы наилучшим образом достигнем этой цели, если до некоторой степени забудем прошлое и начнем сначала со всех тех случаев, где в прошлом не было получено положительных результатов. В значительной мере мы будем основываться на том же экспериментальном материале, который рассматривался и в предшествующих изысканиях, на материале, который, будучи взят в новой интерпретации, представит объект языковой теории. Мы должны открыто признать нашу зависимость от предшественников там, где очевидные результаты были достигнуты другими учеными. В качестве первооткрывателя должен быть назван лингвист-теоретик швейцарец Фердинанд де Соссюр.

Чрезвычайно важная подготовительная работа по созданию лингвистической теории, представленной здесь, была проведена некоторыми членами Копенгагенского лингвистического кружка, особенно Х.И.Ульдаллем в 1934--1939 гг. Уточнению некоторых основных предпосылок теории помогли обсуждения Копенгагенского философского и психологического общества и, кроме того, детальный обмен мнениями с Йоргеном Йоргенсеном и Эдгаром Транекьер Расмуссеном. Ответственность за настоящую работу несет только автор.

2. Лингвистическая теория и гуманитарные науки

Лингвистическая теория, интересующаяся специфической структурой языка и исходящая исключительно из формальной системы предпосылок, не должна придавать исключительного значения отклонениям и изменениям в речи, хотя она и вынуждена принимать их во внимание; она должна

искать **постоянное**, несвязанное с какой-либо внеязыковой "реальностью", то постоянное, что делает язык языком, каким бы он ни был, и что отождествляет любой конкретный язык с самим собой во всех его различных проявлениях. Когда это постоянное найдено и описано, оно может быть спроецировано на "реальность" вне языка, какого бы рода ни была эта "реальность" (физическая, физиологическая, психологическая, логическая, онтологическая), так что даже при рассмотрении "реальности" язык остается главным объектом, и не конгломератом, но организованным целым с языковой структурой как ведущим принципом.

Поискам такого обобщающего и интегрирующего постоянного, несомненно, будет противостоять определенная традиция гуманитарных наук, которая в различных обликах до сих пор преобладает в лингвистической науке. В своей типичной форме гуманитарная традиция отрицает а priori существование постоянного и законность его поисков. Согласно этой точке зрения, общественные явления в противоположность естественным неперiodичны и по самой этой причине не могут, как это имеет место с естественными явлениями, быть объектом точного и обобщенного изучения. В области гуманитарных наук якобы должен применяться другой метод, а именно чистое описание, которое обычно бывает ближе к поэзии, чем к точной науке, или, во всяком случае, метод, ограничивающий себя простым изложением, при котором явления перечисляются одно за другим без всякой попытки интерпретации через систему. У историков этот тезис выдвигается в качестве доктрины, и он действительно кажется основой истории в ее классической форме. Соответственно те дисциплины, которые, возможно, следовало бы назвать наиболее гуманитарными -- изучение литературы и искусства, -- также до сих пор являются скорее исторически-описательными, чем систематизирующими предметами. В некоторых областях можно заметить тенденцию к систематизации, но история и наряду с ней гуманитарные науки в целом, по-видимому, еще далеки от готовности признать законность и возможность такой систематизации.

А priori во всех случаях справедливым кажется тезис о том, что для каждого процесса (в том числе и исторического) можно найти соответствующую систему, на основе которой процесс может быть проанализирован и описан посредством ограниченного числа предпосылок. Следует предположить, что любой процесс может быть разложен на ограниченное число элементов, которые постоянно повторяются в различных комбинациях. Затем эти элементы могут быть объединены в классы по их комбинационным возможностям. И наконец, в дальнейшем, очевидно, можно построить всеобщее и исчерпывающее исчисление (calculus) возможных комбинаций. История, в частности, построенная таким образом, поднялась бы над уровнем чисто примитивного описания, став систематичной, точной и дедуктивной наукой, в теории которой все события (возможные комбинации элементов) предвидятся, а условия их осуществления устанавливаются заранее.

Кажется бесспорным, что, не пытаясь испробовать этот тезис в качестве рабочей гипотезы, гуманитарные науки пренебрегают своей наиболее важной задачей -- стремлением превратить исследование общественных явлений в науку. Нужно понять, что исследованию общественных явлений приходится выбирать между поэтической концепцией как единственно возможной, с одной стороны, и поэтической и научной концепциями как двумя соотносительными формами описания, с другой стороны; следует также усвоить, что выбор зависит от проверки правильности тезиса о том, что в основе процесса лежит определенная система.

Казалось бы, а priori, язык является объектом, для которого результат проверки этого тезиса должен быть положительным.

Чисто описательный подход к исследованию лингвистических явлений, видимо, не может вызвать значительного интереса, и поэтому всегда чувствовалась потребность в дополнительной, систематизирующей точке зрения: в совокупности текстов искали фонетическую систему, семантическую систему, грамматическую систему. Но до сих пор лингвистическая наука, взращиваемая филологами с трансцендентной целью (с целью, находящейся вне языка) и под сильным влиянием гуманитарных наук, отрицавших значение системы, не смогла выполнить анализ до конца, сделать ясными его

предпосылки или установить единый принцип анализа, и поэтому он остался приблизительным и субъективным, метафизическим и эстетствующим, не говоря уже о тех случаях, когда он становился совершенно анекдотическим.

Цель лингвистической теории -- испытать, по-видимому, на исключительно благоприятном объекте тезис о том, что существует система, лежащая в основе процесса, постоянное, лежащее в основе изменений. Голоса, поднятые заранее против такой попытки в области гуманитарных наук, совершенно априорно убеждающие, что мы не можем подвергнуть духовную жизнь человека и связанные с ней явления научному анализу, не убив этой жизни и не дав тем самым нашему предмету ускользнуть от рассмотрения, не могут удержать ученых от этой попытки. Если попытка не удастся -- не в частности, а в принципе, -- тогда эти возражения окажутся резонными и общественные явления придется рассматривать только субъективно и по эстетическим меркам. Если, однако, попытка удастся -- и принцип окажется практически применимым, -- тогда эти голоса смолкнут сами собой и останется только провести соответствующие эксперименты в других гуманитарных областях.

3. Лингвистическая теория и эмпиризм

Теория получит свою простейшую форму, будучи построена лишь на тех предпосылках, которых обязательно требует ее объект. Более того, чтобы удовлетворять своей цели, теория во всех ее применениях должна обнаружить результаты, согласующиеся с так называемыми (действительными или предполагаемыми) экспериментальными данными. В этом пункте каждая теория сталкивается с методическим требованием, содержание которого должно изучаться эпистемологией. Такое изучение, мы думаем, здесь может быть опущено. Нам кажется, что требование, приблизительно сформулированное нами выше (требование так называемого эмпиризма), будет удовлетворять изложенным ниже принципам. В соответствии с этим принципом, который мы ставим во главу всех остальных, наша теория сразу становится четко отличима от всех предшествующих попыток построения философий языка.

Описание должно быть свободным от противоречий (самоудовлетворяющим), исчерпывающими предельно простым. Требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания. Требование исчерпывающего описания предшествует требованию простоты.

Мы рискнем назвать этот принцип **эмпирическим принципом**. Но мы намерены отказаться от этого названия, если эпистемологические исследования покажут его неприемлемость. С нашей точки зрения, это чисто терминологический вопрос, не влияющий на содержание принципа.

Об авторе

Луи Ельмслев (1899--1965)

Выдающийся датский лингвист, создатель глоссематики -- датского ответвления структурализма, виднейший представитель Копенгагенского лингвистического кружка. Автор таких работ, как "Принципы всеобщей грамматики" (1928), "Категория падежа" (т. I -- 1935, т. II -- 1937), "Языкознание" (1963). Главным программным трудом Л. Ельмслева, в котором излагаются основы глоссематики, являются "Пролегомены к теории языка" (1943).

"Язык, -- полагает Л.Ельмслев, -- инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет и на других людей, а другие влияют на него; язык -- первичная и самая необходимая основа человеческого общества". При этом, определяя задачу лингвистики, Л.Ельмслев считает, что она "должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру sui generis".

Возникшая на базе учения о языке Ф. де Соссюра, глоссематика выдвигает новое понимание предмета языкознания, отвергая рассмотрение материальной стороны языка. Глоссематика вызвала неоднозначную оценку в лингвистическом мире. Так, А.Мартине о теории Ельмслева сказал, что это "башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости".